

ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. С. Кравец

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 30 августа 2013 г.

Аннотация: в статье рассматриваются интерсубъективные основания понимания социальных действий. Вводится понятие субъективного и объективного смысла социального действия. Доказывается, что интерсубъективной основой является «типическое» в социальных действиях и соответствующих смыслах.

Ключевые слова: социальное действие, субъективный и объективный смысл действия, интерсубъективность, жизненный мир.

Abstract: the article deals with the inter-subjective basis of the understanding of the social acts. The author marks definitions of subjective and objective meaning of social acts. The author shows that inter-subjective basis of understanding appears «typical» in the context of social acts and meanings.

Key words: social act, subjective and objective meaning of the social act, living world.

Мы присутствуем при становлении социальной герменевтики, начало которой можно отнести ко второй половине XX в. Социальная герменевтика принципиально отличается от классической своей предметностью. Последняя занималась пониманием текстов в самом широком смысле этого слова: от отдельных высказываний до религиозных источников, мифов, исторических легенд, древних письменных документов, романов, поэтических произведений, философских трактатов и т.д.

Понимание текстов обычно связывалось с выявлением заключенного в них смысла. Это выявление (экспликация) смыслов основывалось, в первую очередь, на знании языка исторического источника. Но оказалось, что знание смыслов слов еще не дает адекватного понимания текста. Потребность в понимании каждый раз появлялась, как только читатель (ученый) сталкивался с непониманием целостного смысла текста. Непонимание всегда объективно обусловлено герменевтическим разрывом между написанным (сказанным) и тем смыслом, который на самом деле понимал автор текста. Указанный разрыв порождается чаще всего бытийной удаленностью источника от наших дней. Любой текст (и это устанавливает классическая герменевтика) в своем происхождении органически связан с экстралингвистическим контекстом или, пользуясь современной терминологией, с жизненным миром реального (или анонимного) автора.

Есть и другие причины непонимания. Настоящую попытку для читателя представляет понимание так называемых герметических текстов, ориентированных на знание посвященных (мистика, иносказание, эзотерика), пасквили и памфлеты, употребление кос-

венных смыслов (когда говорится одно, а имеется в виду другое) и т.п. Герменевтический разрыв пытаются устранить особой операцией, называемой *интерпретацией*.

Социальная герменевтика своей предметностью имеет социальное действие, которое не является, в отличие от слова, «знаком» в общепринятом смысле. Его функция заключается не в сообщении информации другому субъекту, а в изменении мира. Социальная герменевтика зарождается в рамках различных направлений социологии, но в своих глубинных корнях опирается на философские предпосылки. Она ориентирована на раскрытие смысла, который вкладывает (опредмечивает) действующий субъект в свои действия. Социальную герменевтику объединяет с классической именно задача понимания скрытых смыслов. Королевский вопрос, на который пытаются дать ответ новая герменевтика, звучит так: каким образом наблюдатель (социолог) может понять собственные смыслы актора, наблюдая лишь его манифестированные действия?

Истоки социальной герменевтики уходят в американский «символический интеракционизм». Правда, ее лидеры (Дж. Мид, Г. Блумер) еще не ставят «королевского вопроса», да и сам термин «герменевтика» у них не встречается. Но они первые заговорили, что социальное действие обладает «символической» природой, т.е. значениями (смыслами), которые люди усваивают в процессе социализации. В этих действиях акторы ориентируются на ожидания и понимание их действий другими людьми. В основе социальных отношений лежат интеракции – обмены не только действиями, но и «символическими значениями» – смыслами. Эти «символические значения» так же объективны, как и сами действия.

Первым «королевский вопрос» четко поставил немецкий социолог М. Вебер в своей «понимающей социологии». Понимающая социология, по Веберу, принципиально отличается как от распространенных теоретических систем социологии, оперируют обезличенными макропараметрами, так и от социальной статистики, имеющей дело лишь с фиксацией социальных фактов. Ее задача – понимание смыслов действий наблюдаемых индивидов.

Социальное действие Вебер определяет как действие, производимое со смыслом и обращенное к другим. Немецкий социолог вводит представление о двух видах смысла: объективном и субъективном.

Под объективным смыслом Вебер понимает смысл наблюдаемых манифестированных действий актора. Например, *лесоруб рубит лес*. Относительно его понимания ученый замечает, что он легко понимается наблюдателем. Проблему для социолога (и любого наблюдателя) составляет понимание субъективного смысла актора, т.е. мотивов действия, которые скрыты от наблюдателя: *для чего он рубит лес?*

Вебер выстраивает свою известную методологию понимания субъективных смыслов, основанную на понятии идеальных типов деятельности. По существу он полагает, что понять мотив деятельности индивида можно только в том случае, если тот действовал рационально. С его точки зрения, существуют только два типа рациональной деятельности: целерациональная и ценностно-рациональная. Целерациональная деятельность характеризуется тем, что ее мотив предопределяет цель, а последняя обуславливает стратегию деятельности (последовательность действий) и выбор средств достижения цели. Для субъекта, действующего ценностно-рационально, важен не конкретный ее результат, а сам вид деятельности, удовлетворяющий каким-либо ценностям: общественному долгу, религиозным предначертаниям, служению добру и т.д. Два других вида деятельности не предполагают осмысленного поведения субъекта: это действие в состоянии аффекта (например, при пожаре) и традиционное действие (например, ритуальное действие).

Каким же образом социолог может реконструировать мотив социального действия? По Веберу, эта реконструкция подчиняется двум взаимосвязанным принципам: а) смысловой соотнесенности и б) каузальной соотнесенности мотива и действия. Признание принципа «смысловой соотнесенности» мотива и действия означает, по существу, герменевтическую постановку проблемы. Мы раскрываем мотив рационального действия, если можем логически вывести из него наблюдаемое действие. Здесь работает не дедукция, а абдукция. Социолог подбирает из гипотетически возможных мотивов тот, который наиболее адекватно соотносится по смыслу с осуществленным

действием. Эту операцию можно трактовать как *интерпретацию* действия.

Вместе с тем для рационального типа деятельности должен выполняться и принцип каузального объяснения действия. Именно в случае осуществления идеально-рационального действия, как считает Вебер, мотив можно трактовать как причину, порождающую наблюдаемое действие. Эти два принципа являются, согласно немецкому социологу, взаимно дополнительными для реконструкции мотива рационального действия. Таким образом, Вебер одной ногой шагнул уже в социальную герменевтику, а другой – стоял еще на традиционных позициях социологии. Что касается аффективных и традиционных действий, то здесь, по Веберу, осуществимо лишь каузальное объяснение наблюдаемых действий, путем указания на внешнюю причину случившегося. Например, *субъект покончил с собой в результате несчастной любви*.

Дело Вебера продолжил А. Шюц, автор социальной феноменологии. Он подверг критике веберовскую методологию понимания субъективного и объективного смысла действий наблюдаемого индивида, указав на то, что, следуя упомянутой методологии, мы всегда будем иметь дело со смыслом, сконструированным социологом, но не с внутренним (субъективным) смыслом действующего субъекта. Шюц конкретизировал представление о субъективном смысле актора, введя понятия двух типов мотива. Это мотивы «для того, чтобы» и «потому, что». Первый мотив входит в состав деятельности и направляет ее. Второй – находится вне плана деятельности и лежит в историко-биографических условиях жизни актора. Весьма продуктивной идеей Шюца является различение ближнего круга понимания, когда понимающий находится в контакте с действующим субъектом и может наблюдать за всеми конкретными обстоятельствами действия, и дальним кругом, в условиях которого работает обычно исследователь (социолог, историк и т.д.). По мере удаленности в пространстве и времени от действующего субъекта возрастает анонимность понимания и, по мысли Шюца, в интерпретациях субъективного смысла срабатывают идеальные рациональные типы Вебера.

Концепция понимания действий индивида в какой-то мере близка классической герменевтической традиции. Вместе с тем она внутренне противоречива [1].

Хотя Шюц считает свою концепцию разновидностью социологии (правда, основанной на совершенно новых феноменологических основаниях), тем не менее, у него настойчиво проявляются интенции экзистенциалистской философии. Не случайно автор социальной феноменологии чаще говорит о понимании Другого (*Alter ego*), чем о понимании социаль-

ных действий индивида. Но это две различные задачи. Одно дело говорить о понимании Другого в некотором метафизическом и весьма неопределенном плане (понять – значит *простить, встать на позицию Другого, согласиться с ним, проявить сочувствие, сопереживать ему* и т.д.), где в задачу понимания включаются не только нормированные и вполне тематизированные социальные действия, но, по существу, и вся жизнь близкого тебе человека. И другое дело – нацеливаться на понимание социальных действий, имеющих четкую структуру, направленность и основания в социуме. Хотя Шюц признает, что понимание связано с пониманием *смыслов* действий Alter, он тут же указывает, что понимание близкого человека, с которым ты проживаешь жизнь, не ограничивается лишь мышлением, а включает различные аффективно-чувственные окаймления, интимные, глубоко личностные проявления «Так-бытия».

Шюц отрицает известную концепцию «вчувствования» как основу понимания субъективного смысла действующего индивида. По мнению феноменолога, эта концепция требует невозможного, а именно – подстановки сознания понимающего на место сознания действующего субъекта.

Вместе с тем он пытается обосновать недалеко ушедшую от нее концепцию «сопереживания». Согласно этой концепции, мы можем понять смыслы действующего индивида (у нас есть шанс), если мы проживаем с другим человеком совместную жизнь, следим за его переживаниями, откликаемся на них и можем пофазово соотносить наши переживания. И это несмотря на то, что Шюц соглашается с тезисом Э. Гуссерля (своего учителя), что поток переживаний субъекта закрыт для других субъектов, не доступен наблюдению со стороны.

Также противоречива концепция смыслопорождения Шюца, заимствованная им у Гуссерля. С одной стороны, он соглашается с Гуссерлем, что субъективные «личностные» смыслы рождаются в потоке неповторимых, уникальных переживаний субъекта на основе трансцендентальных априорных структур (наподобие кантовских априорных форм созерцания). Эти априорные формы можно обнаружить, согласно Гуссерлю, только в «феноменологической установке». С другой стороны, Шюц признает, что все смыслы повседневной деятельности формируются у индивидов в «естественной установке». Эти смыслы intersубъективны, объективированы в речи и действиях людей. На основе этих жизненных смыслов люди действуют, конструируют социальные миры, общаются друг с другом, мыслят. Собственно говоря, именно переход к *естественной установке* и *жизненному миру* индивидов, конституирующих смыслы мира и своих действий, и стал той продуктивной идеей, которую поддержали и развили ученики Шюца.

В работах П. Бергера и Т. Лукмана (учеников Шюца) исследование понимания смыслов было продолжено на основе принятия «естественной установки» [2]. Эти исследователи проанализировали процесс образования intersубъективных смыслов в повседневном жизненном мире. Они показали, как, восходя от ситуации «лицом к лицу», образуется *взаимость перспектив видения* и понимания ситуации во взаимных действиях индивидов. Далее эти действия типизируются, хабиитуализируются, институализируются, седиментируются и легитимируются, становясь надличностными смыслами, принадлежащими всем. Надличностные смыслы аккумулируются в *символическом универсуме общества*, которое весьма близко марксистскому понятию общественного сознания. Помимо типических надличностных смыслов, в символический универсум входят и возникающие в процессе институционализации и легитимации повседневных смыслов различные их *обоснования* теоретического плана, которые уже выходят за пределы жизненного мира. К ним относятся религиозные, идеологические, философские, правовые, экономические, политические учения.

Именно «типическое» в действиях становится узнаваемым и легко понимаемым. «Типическое» является не только действием, но и «знаком» стоящего за ним смысла. За типическими манифестированными действиями лежат типические объективные смыслы. Типические действия всегда сигнифицированы в языке, т.е. наделены смыслом.

Индивид в процессе социализации приобщается к символическому универсуму, осваивая постепенно различные его секторы. На этапе первичной социализации усваиваются прежде всего смыслы и ценности, характерные для ближнего круга общения. На этапе вторичной социализации существенно расширяется круг общения, индивид имеет дело уже с «обобщенным Другим» (с обществом в целом). Соответственно, обогащается и трансформируется сфера его личностного опыта.

Социализация включает два противоположных процесса: интериоризацию и экстериоризацию. Интериоризация есть процесс «присвоения» надличностных типических смыслов, перевод их в план своего сознания. В ходе присвоения надличностных (общественно предзаданных смыслов) образуются личностные (субъективные) смыслы. Личностные смыслы обусловлены, таким образом, с одной стороны, объективированными intersубъективными смыслами, а с другой – являются результатом всей историко-биографической траектории действующего субъекта. Личностный смысл всегда включает в себя обобщенный смысловой инвариант надличностного intersубъективного смысла, но отличается от него привнесением личностного опыта в осмысление типическо-

го смысла, его привязкой к жизненным обстоятельствам, конкретной интерпретацией.

В процессе экстерииоризации субъект конструирует и творит новый социальный мир, обогащая сферу символического универсума. Мы видим, что социальное объяснение истоков личностных смыслов резко контрастирует с априористской концепцией порождения смыслов Э. Гуссерля.

А как же быть с пониманием мотивов? П. Бергер и Т. Лукман считают, что типическим действиям соответствуют и типичные мотивы. Но здесь более прав М. Вебер, который справедливо полагал, что один и тот же мотив может лежать в основе разных действий, и, наоборот, одно и то же действие может вызываться различными мотивами. Правильнее, с

нашей точки зрения, утверждать, что в хабиитуализированном (опривыченном) жизненном мире существует спектр возможных и типичных мотивов для достижения одной и той же цели. А это означает, что мотив действия индивида может быть установлен наблюдателем всегда лишь с некоторой вероятностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кравец А. С.* Понимание смысла социальной деятельности / А. С. Кравец. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008.

2. *Бергер П.* Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : МЕДИУМ, 1995.

Воронежский государственный университет

*Кравец А. С., доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой онтологии и теории познания*

E-mail: kravets2011@mail.ru

Тел.: 8 (473) 277-31-07

Voronezh State University

*Kravetz A. S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Ontology and Theory of Knowledge Department*

E-mail: kravets2011@mail.ru

Tel.: 8 (473) 277-31-07